Агата Астахова

Последний заказ

Иногда конец — это только начало

18+

Агата Астахова

Последний заказ

«Автор»
2026

Астахова А.

Последний заказ / А. Астахова — «Автор», 2026

Он женат. Она слишком правильная, чтобы связываться с женатыми мужчинами. Но иногда у судьбы свои правила.Вера Аверина привыкла держать свою жизнь под контролем. Работа в библиотеке, любимая кошка, тихий дом — и никаких мужчин, способных перевернуть всё с ног на голову.Пока смерть тёти не приводит её в салон ритуальных услуг, где она встречает Максима Северцева.Он слишком красив, слишком властен и слишком внимателен. А ещё — женат.Максим не скрывает правду: его брак фиктивный. Когда-то он согласился жениться на дочери своего босса, чтобы помочь ей получить наследство. До настоящих чувств между супругами дело никогда не доходило. Через год их договор должен закончиться, и Максим наконец будет свободен.Только Вера не готова ждать год.Потому что между ними вспыхивает то, чего оба не ожидали: желание, нежность и любовь, от которой уже невозможно отступить.

© Астахова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вера 5
Глава 2. Максим 9
Глава 3. Абонемент 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Агата Астахова
Последний заказ

Глава 1. Вера

Вера Аверина боялась трёх вещей: тёмных подъездов, любых похорон и собственной фамилии, потому что в школьных журналах она всегда стояла первой в списке.

Нет, не так. По-настоящему она боялась только одной вещи. Остальное было только тенями.

В семь лет её привели проститься с бабушкой. Взрослые были заняты своим горем и не заметили, как маленькая девочка в слишком тугом чёрном платье осталась у гроба одна. Она смотрела на восковые руки, сложенные на груди, на жёлтую свечку, вставленную в них, на бумажную ленточку на лбу с чёрными буквами, и вдруг поняла: бабушка не спит. Бабушка не вернётся. И то же самое когда-нибудь случится с ней, с мамой, с котом Тишкой, со всем белым светом. Её вырвало прямо на ковровую дорожку. Потом, на кладбище, когда первый ком глины ударил в крышку, она закричала так, что молчаливые вороны торопливо упорхнули с возмущёнными возгласами. Тогда Вера ещё не знала, что через десять лет ей снова придётся услышать этот звук. Сначала папа, через три года — мама. Вера больше не кричала, но страх смерти и всего, что с ней связано, больше никогда её не покидал.

С тех пор прошло десять лет. Вера выросла, выучилась, получила диплом. Личная жизнь обходила её стороной, или сама Вера бежала от неё, как от случайных похоронных процессий, но к двадцати девяти годам вся её жизнь заключалась лишь в кошке и работе. Работу Вера любила почти так же, как и кошку Муську. Она была заведующей абонементом в городской библиотеке имени Чехова, где пахло бумагой, пылью и тёплым деревом и где мёртвые существовали только в виде аккуратных строчек на форзацах: «1821–1881», «1799–1837». Мёртвые в книгах были безопасны. Они лежали на полках и никого не касались.

Но тётя Клава умерла в четверг, в половине седьмого утра, в районной больнице, и Вере позвонила дежурная медсестра.

— Вы единственная родственница в карточке, — сказала она усталым голосом. — Нужно приехать, подписать бумаги и забрать вещи. И выбрать организацию, которая займётся… ну, вы понимаете.

Вера понимала. Она сидела на краю кровати в одной футболке, прижимая телефон к уху, и чувствовала, как по позвоночнику поднимается знакомый холод, как будто кто-то открыл в ней окно и в комнату вползла зима.

— Да, — сказала она. — Я приеду.

Тётя Клава не была ей близка. Сестра отца, одинокая, строгая, пахнущая валерьянкой и нафталином, она присылала на каждый день рождения открытку с одним и тем же текстом: «Расти большой, не будь лапшой». Но она была последней. После неё у Веры не оставалось никого, и одна эта мысль могла бы согнуть любого человека, а уж тем более того, кто двадцать два года пытался не думать о конце.

Салон ритуальных услуг «Вечность» нашёлся в двух кварталах от больницы. Вера выбрала его по единственной причине: он не выглядел как место, где умирают. Витрины с матовым стеклом, тёмный фасад из гранита, дверь с латунной ручкой. Никаких венков в окне, никаких пластиковых цветов, никаких фотографий с чёрными уголками. Только золотые буквы над входом, строгие и спокойные.

Она простояла у двери минут десять. Дважды отходила к остановке, дважды возвращалась. Дул мартовский ветер, сырой и колючий, и у неё замёрзли пальцы, хотя она никогда не забывала перчатки. Забыла сегодня.

«Ты взрослая женщина, — сказала она себе. — Тебе двадцать девять. Ты возглавляешь абонемент. Ты умеешь разговаривать с пьяными читателями и с проверяющими из департамента. Ты можешь войти в дверь».

Она толкнула латунную ручку.

Внутри было тепло и пахло не так, как она боялась. Не ладаном, не сырой землёй, не хризантемами. Пахло кедром, кожей и чем-то горьковатым, дорогим, мужским. Мягкий свет, глубокие кресла, на низком столике аккуратная стопка журналов. Если бы не сдержанная чёрно-серая гамма, это могла быть приёмная адвокатской конторы или дорогого нотариуса.

Никого не было. Вера сделала три шага и остановилась у стены, где висели образцы. Тканевая обивка. Деревянные панели. Она заставила себя посмотреть и тут же отвела глаза: в углу, на подставке под мягким светом, стоял гроб. Не целиком, а только половинка, срез, чтобы показать обивку, но она всё равно увидела.

Воздух в зале стал густым.

— Могу я вам помочь?

Голос раздался совсем рядом, низкий, ровный, без малейшей слащавости. Вера обернулась слишком резко, и комната качнулась.

Мужчина стоял в нескольких шагах от неё, засунув одну руку в карман тёмных брюк. Высокий, широкоплечий, в чёрной рубашке с закатанными до локтей рукавами и расстёгнутой на одну пуговицу больше, чем следовало бы человеку его профессии. Тёмные, слегка волнистые волосы чуть длиннее, чем принято; у висков седина, которая, по всей видимости, была ранней, но шла ему к лицу. На вид ему было лет тридцать шесть, не больше. Лицо резкое и красивое: жёсткая линия скул, прямой нос, рот, который, казалось, редко улыбался и потому, вероятно, делал это очень убедительно. А глаза были серые, светлые, с тёмным ободком радужки, и они смотрели на неё так, как смотрят на человека, который вот-вот упадёт.

— Вы побледнели, — сказал он. — Присядьте.

— Я в порядке, — выдавила Вера и тут же поняла, что это ложь, потому что пол уже уходил из-под ног.

Он оказался рядом прежде, чем она успела договорить. Рука легла ей под локоть, вторая на спину между лопатками, твёрдо и бережно, и её усадили в кресло так аккуратно, будто она была фарфоровой. Перед глазами плыли чёрные точки. Она слышала, как он отходит, как льётся вода, и через мгновение стакан коснулся её ладони.

— Пейте. Медленно.

Она пила. Вода была холодная, с лимоном. Зубы стукнули о стекло.

— Простите, — сказала она, когда зрение вернулось. — Я… у меня с этим сложно.

— С чем именно? — Он присел на корточки напротив, так что их глаза оказались на одном уровне. Ни тени неловкости, ни тени профессионального сочувствия. Просто внимание. — С потерей или с местом?

Вера подняла на него взгляд и неожиданно для самой себя ответила правду.

— С местом. С самим… предметом разговора. Я боюсь этого с детства. По-настоящему боюсь. Это называется танатофобия, если вам интересно, я читала. Врачи говорили, что со временем пройдёт. Не прошло.

— И вы всё равно пришли.

— Умерла тётя. Больше некому.

Он помолчал. Потом поднялся одним плавным движением и протянул ей руку.

— Максим Северцев. Я управляю этим салоном.

Она вложила пальцы в его ладонь. Ладонь была сухая, горячая, большая. Рукопожатие длилось на полсекунды дольше, чем нужно, и Вера почувствовала, как от кончиков пальцев вверх по руке пробежала короткая, нелепая искра. Она отдёрнула руку.

— Вера. Вера Аверина.

— Вера, — повторил он, будто пробуя имя на вкус. — Тогда давайте сделаем так. Мы не будем сидеть здесь, среди этого. — Он коротко обвёл взглядом зал. — У меня есть кабинет. Там нет ни одного образца. Хотите?

Кабинет оказался совсем другим миром. Книжные шкафы до потолка, тёмный письменный стол, окно во двор, где росла старая липа, на подоконнике кофемашина, пахнущая жжёной карамелью. Никаких траурных атрибутов. На стене одна-единственная картина: северное море под низким небом.

Вера опустилась в кожаное кресло и вдруг заметила корешки. Классика, по большей части, но много и такого, что не стоит на полках у случайных людей: «Книга мёртвых» в нескольких переводах, Элиаде, Арьес, «Смерть Ивана Ильича» в тонком издании шестидесятых.

— Вы это читаете? — спросила она, не удержавшись.

— Работа обязывает. — Он поставил перед ней чашку кофе. — А вы? Судя по тому, как вы смотрите на шкаф, вы человек книжный.

— Я библиотекарь.

В его лице что-то дрогнуло, едва заметно. Он улыбнулся уголком рта.

— Вот как. Тогда у нас с вами больше общего, чем кажется. Вы храните память о людях, которые давно умерли. Я занимаюсь тем, что помогаю живым попрощаться с теми, кто умер только что.

— Это не одно и то же.

— Нет, — согласился он. — Но оба служим памяти.

Вера невольно усмехнулась. Впервые с утра.

Он сел не за стол, а напротив неё, в такое же кресло, и между ними оказался только низкий столик и две чашки. Положил перед собой планшет, но не стал в него смотреть.

— Расскажите про тётю. Как её звали?

— Клавдия Петровна Аверина. Семьдесят шесть лет. Бывшая учительница математики.

— Как она хотела проститься?

Вера опешила.

— Я не знаю. Мы не обсуждали…

— Тогда расскажите, какой она была. Не факты. Какой.

И она рассказала. Сначала сбивчиво, потом всё ровнее: про то, что тётя Клава ненавидела цветы в вазах, потому что «они умирают на глазах»; что любила только полынь и ромашку, горькие, не кричащие; что носила один и тот же серый плащ тридцать лет; что никогда не плакала и ни разу не сказала «люблю». Вера говорила и сама удивлялась, как легко ей даётся каждое слово. Максим слушал так, как слушают редкие люди: всем телом, не перебивая, не кивая из вежливости. Время от времени он коротко делал пометку в планшете.

— Значит, никаких роз и лилий, — сказал он наконец. — Неброские букеты, серая обивка, без позолоты, прощание в траурном зале, отпевание на кладбище. Согласны?

— Да, — сказала Вера. Горло перехватило. Она вдруг поняла, что впервые с утреннего звонка вновь думает о тёте как о человеке, а не как о страшном слове «покойная». — Это… ей подходит. И мне…

Они обсудили всё остальное: бумаги, сроки, цены. Он называл суммы спокойно и прямо, без той жуткой вкрадчивости, которой она ожидала от людей его профессии. Когда она растерялась перед выбором гроба, он не стал тянуть её в зал.

— Я сам подберу три варианта и пришлю фотографии. Вам не нужно сюда возвращаться. Всё можно решить по телефону.

— Правда?

— Вера. — Он произнёс её имя тихо и непривычно твёрдо, как человек, привыкший, что его слова исполняются. — Вам не нужно мучить себя. Это не проверка на мужество. Я сделаю так, чтобы вы прошли через это с минимальным ущербом. Договорились?

Он смотрел на неё прямо, без улыбки, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у неё потеплело в груди и одновременно сжалось в животе. Привычка командовать. Власть, которая не нуждается в доказательствах. Вера не любила властных людей, но этот, пожалуй, умел обращаться со своей властью так, что хотелось не сопротивляться, а доверять.

— Договорились, — сказала она.

На прощание он проводил её до двери, минуя торговый зал по боковому коридору, чтобы она не увидела ни единого образца. Он шёл на полшага позади и чуть сбоку, и она чувствовала его присутствие кожей спины, как тепло от печки.

У выхода он придержал дверь.

— Позвоните, если станет плохо, — сказал он и протянул визитку. — Личный номер на обороте. Я не шучу.

— Вы всем клиентам раздаёте личный номер? — вырвалось у неё.

Максим Северцев чуть наклонил голову. Свет из витрины лёг на скулу, и она заметила маленький белый шрам у виска, тонкий, как нитка.

— Не всем, — сказал он и чуть заметно самодовольно сощурился. — Только клиентам с танатофобией…

Она вышла на ветер, прижимая визитку к груди. Только на остановке, дождавшись автобуса, она вдруг сообразила, что так и не отдала ему ни одного документа и не оставила ни копейки аванса. А ещё, что руки у неё больше не дрожат и холода, который поселился в ней с утра, больше нет. Только странное тепло ладони, которое всё ещё чувствовалось на локте.

Она посмотрела на визитку. Плотный серый картон, ни логотипа, ни пафоса. «Максим Северцев». И номер.

Глава 2. Максим

Когда за ней закрылась дверь, Максим ещё минуту стоял у окна, глядя, как она идёт к остановке: узкие плечи, серое пальто не по сезону, тёмные волосы, которые ветер выбил из небрежного узла и швырнул ей на лицо. Она не поправила их. Шла, обхватив себя руками, и в этой походке было что-то такое, от чего ему захотелось выйти следом и накинуть на неё свой пиджак.

Он не вышел. Он вообще редко делал то, чего хотелось в первую секунду. Это было его правило, одно из немногих, которые никогда его не подводили.

— Максим Павлович, — в приоткрытую дверь заглянула Тамара, администратор, пятидесятилетняя женщина с лицом строгой учительницы и сердцем бывшей медсестры. — К двум придут по Дубовицкому, документы готовы. И вам звонила Диана Эдуардовна. Просила перезвонить.

— Перезвоню.

— Это девушка, которая была у вас, похоже, очень напугана? Я видела, как она выходила — белая, как полотно.

— Она держится. Надеюсь…

Тамара посмотрела на него чуть дольше, чем следовало, и тихо прикрыла дверь.

Он вернулся к столу, открыл ноутбук и несколько минут просто смотрел в экран. Потом открыл папку «Аверина К. П.» и вписал в графу контактного лица: «Аверина Вера Андреевна». Тридцать секунд размышлял и поставил рядом пометку, которой никогда не ставил: «Без выезда. Всё дистанционно. Гроб не показывать. Не звонить после девяти».

Коробка визиток дорогого серого картона, на котором он когда-то заказал визитки, по ошибке указав личный номер, была почти не тронута. Он достал одну и положил в карман взамен той, что отдал Вере. Эти визитки Максим носил с собой на всякий случай, но такие случаи происходили так редко, что картон успевал поистрепаться, прежде чем кто-то получал его. Диана была первой, кому Максим вручил такую визитку.

Диана.

Он выдохнул, взял телефон и набрал её.

— Макс, — голос жены, лёгкий, чуть насмешливый, прилетел из другой части света. Она всегда звонила в тот час, когда у неё было утро, а у него обед. — Я уже думала, ты меня забыл.

— Я не забываю тебя, Ди. Я не забываю ничего, ты знаешь.

— Это-то меня и пугает. — Она рассмеялась. — Слушай, у меня две новости. Хорошая: я подписала аренду в Лиссабоне, на три года, с видом на реку. Плохая: юрист напомнил, что ровно через тринадцать месяцев истекает срок нашего брачного договора.

— Двенадцать, — поправил он. — Я считал.

— Ты считал. — Она вздохнула. — Макс, я тебе уже сто раз говорила: ты лучшее, что могло со мной случиться в этой истории. Если бы не ты, я потеряла бы всё.

— Ты ничего не потеряла бы. Ты просто осталась бы ни с чем, а Грановский получил бы всё.

— Бр-р. Не называй это имя за обедом.

Он едва улыбнулся.

Вся эта история умещалась в трёх предложениях, и он мог пересказать её во сне. Четыре года назад Эдуард Бельский, основатель ритуальной империи из пяти салонов, двух крематориев и сети цветочных павильонов, узнал, что смертельно болен. Человек старой закалки, жёсткий, консервативный и безнадёжно уверенный, что женщина без мужа не способна удержать бизнес, он давно подозревал, что дочь, с её свободными взглядами на жизнь, мечтает продать дело и уехать за границу, подальше от его правил. И потому поставил ей условие: бизнес

достанется Диане только в том случае, если она выйдет замуж. А если нет, он ещё при жизни перепишет всё на двоюродного брата, Гордея Грановского, человека, которого не любил, но считал «крепким хозяином».

Диана, которая с юности жила не по отцовским правилам и мечтала о другой жизни, в другой стране, оказалась в западне, а Максим Северцев оказался единственным человеком, который идеально подходил на роль мужа.

Он был правой рукой отца и был должен и Диане, и Эдуарду. Долг его, когда-то финансовый, с годами превратился в моральный. Когда ему было двадцать шесть, его младший брат Лёша попал в аварию. Позвоночник. Двадцать пять операций за восемь лет, и ещё одна впереди, самая дорогая, в Германии. Деньги нашлись. Деньги дал Эдуард Бельский по просьбе Дианы. Деньги Максим давно отработал и даже с лихвой, но так уж он был устроен, что должным считать себя не переставал. Да и Эдуард взамен попросил только одного: быть честным и никогда не предавать. Максим не предал. Когда старик умирал, он остался рядом с ним, с его бизнесом, с его дочерью, которая плохо в нём разбиралась, и с долгом, который невозможно было вернуть.

Предложение о фиктивном браке сделала Диана сама, в больничном коридоре, в ту ночь, когда отец объявил ей свою волю. «Мы друзья, Макс. Мы доверяем друг другу. Составим брачный договор на пять лет — отец требует, распишемся, я вступлю в наследство, а через пять лет, когда срок договора истечёт, разведёмся. Ты останешься управляющим с долей, а я буду свободна».

Он согласился. Не только потому, что был должен, а ещё и потому, что в свои тридцать два считал, что любовь для него закрытая тема. Он не верил в неё. Были женщины, красивые и холодные, были ночи, в которых он терял имена утром, и он давно перестал искать в этом смысл. Впрочем, и сейчас женщин было предостаточно, но ни на одну из них ему не хотелось накинуть своё пальто и заправить выбившуюся прядь за ухо.

Они поженились, Эдуард успел увидеть свадьбу и умер спокойным, Диана вступила в наследство, и теперь они были мужем и женой по документам. Все эти годы они прекрасно играли роль для окружающих. На людях он держал её за руку и называл «Дианочка». Она на корпоративах клала голову ему на плечо. А на деле она жила в Португалии, прилетала раз в квартал подписывать бумаги, а он управлял всем: договорами, поставщиками, штатом, крематориями. Формально хозяйкой была она. Фактически этот мир держался на его плечах и на его воле.

— Приедешь на подписание годового баланса? — спросил он.

— В мае, и не одна. Познакомлю тебя с кое-кем, наконец.

— Скажи ей, что я скучный.

— Скажу, что ты красивый и страшный одновременно. Это приятнее.

Они ещё поговорили о делах: о Грановском, который в последние месяцы подозрительно активно сновал по городу, о новом кладбищенском участке, о проверке из администрации. Положив трубку, Максим провёл ладонью по лицу и поймал себя на том, что думает вовсе не о Грановском.

Он думал о шее.

О тонкой шее Веры Авериной, с выбившейся прядью и маленькой родинкой чуть ниже уха. О том, как побелели её губы, когда она увидела образец в углу. О том, как она сказала «я читала» про свою фобию, как будто извинялась. О том, как её дыхание сбилось, когда он взял её за локоть.

Он давно умел отличать любопытство от желания. Это было не любопытство.

«Нет, — сказал он себе жёстко. — Она клиентка. У неё умерла тётя. Она боится всего, что составляет твою жизнь. И ты женат».

Фиктивно. Он даже усмехнулся, подумав об этом слове. Фиктивно, но всё же.

Он закрыл ноутбук.

Похороны назначили на субботу. Вера звонила дважды, коротко, деловито, и каждый раз он слышал, как за её сдержанным голосом дрожит натянутая струна. Он обещал, что всё будет по её желанию, и сдержал слово. Серый гроб без позолоты, букеты ромашек, в которые Максим попросил добавить по веточке полыни, на что получил изумлённый взгляд Тамары, которая, впрочем, предпочитала не спорить с руководством.

Он не планировал ехать на кладбище. Обычно он этого не делал: у него были сотрудники, бригадиры, водители. Но в субботу в девять утра, когда катафалк выехал за ворота, он сел в машину и поехал следом.

Вера стояла у ограды.

Она не подошла ближе. Серое пальто, чёрный шарф, белое лицо. Вера держалась за прутья решётки обеими руками, и костяшки у неё были такие же белые, как лицо. Это Максим заметил в первую очередь, а во вторую — нескольких молодых мужчин, стоявших недалеко от Веры. «Ученики», — сразу подумал он, но неожиданно почувствовал укол ревности, когда один из них подошёл к Вере, чтобы выразить соболезнования. «Какой я кретин», — скользнула разумная мысль, когда он подошёл к Вере так близко, что его локоть коснулся её.

— Максим Павлович… — сказала она, не оборачиваясь, как будто сквозь пальто почувствовала его взгляд. Слова застревали в горле, и она не могла произнести больше ни слова.

— Вера. Выдыхайте медленно и расслабьте плечи — это помогает справиться с дрожью. — Он делал вид, что смотрит на серую обивку, но на самом деле видел лишь родинку на шее и трясущиеся плечи.

— Я не могу туда пойти. Я пыталась. Ноги не идут.

— Не надо.

— Это неправильно. Она была моей тётей.

— Правильно то, что вы пришли, — сказал он. — Вы стоите здесь, на расстоянии вытянутой руки от неё, а не дома под одеялом. Для вас это подвиг. Мёртвым безразлична длина шага. Живым нет.

Она наконец повернулась. В глазах у неё стояли слёзы, но не падали, как будто она запретила им.

Священник читал отходную. Ветер трепал полы его облачения. Где-то совсем близко кричали вороны, совсем как тогда, двадцать лет назад. Вера протяжно выдохнула и перестала трястись. Уверенность тёплой невидимой нитью струилась от Максима, и она сделала пару шагов вперёд.

— Скажите мне что-нибудь, — прошептала она. — Что угодно. Не о смерти.

Максим секунду смотрел на небрежный пучок каштановых волос, на непослушные завитки, обрамлявшие её тонкую шею. А потом, сам не понимая зачем, снял пальто и накинул ей на плечи. Тяжёлое, тёплое, пахнущее его одеколоном и табаком, от которого он безрезультатно пытался отказаться последние года три.

— У вас растрепались волосы, — сказал он. — И вы забыли перчатки. Второй раз за неделю. — И, помолчав, добавил: — Всё скоро закончится.

Она прикрыла глаза. Дышала глубоко и неровно, и он видел, как под тонкой кожей шеи бьётся жилка. Ему отчаянно захотелось положить на неё ладонь. Просто чтобы узнать, как быстро она бьётся.

Когда всё закончилось, он вызвал водителя, чтобы её отвезли домой, но она покачала головой.

— Не нужно. Я поеду на поминальный обед. — Она вернула пальто, неловко, обеими руками. — Спасибо. И за пальто, и за то, что… — Она запнулась. — Я не знаю, как это назвать. Я никогда не думала, что похороны могут быть… человеческими.

— Это и есть моя работа. — Он принял пальто и едва заметно сжал ткань в кулаке, там, где она держала. — Позвоните, если захотите узнать, когда будет готов памятник.

Она кивнула и ушла. Он смотрел ей вслед до тех пор, пока серая фигурка не исчезла за поворотом аллеи.

Потом достал телефон и впервые за четыре года поймал себя на мысли, которая никак не вписывалась в его безупречный порядок: «Мне нужно увидеть её ещё раз».

И следом, ровным и очень трезвым голосом: «Это плохая идея, Северцев».

Но плохие идеи, как он давно знал, всегда приходили первыми.

Глава 3. Абонемент

Через неделю после похорон Вера вернулась в библиотеку, и жизнь вошла в прежнюю колею, будто ничего не случилось. Но на самом деле случилось. Вера стала чаще взглядывать в телефон, хотя никто и не должен был позвонить. Иногда она думала о том, что там, в двух кварталах от дома, видела милый магазинчик выпечки, и даже порывалась туда сходить, но каждый раз останавливала себя. Ей казалось, что, если она случайно встретится с Максимом, то он сразу поймёт, что Вера слоняется в том районе только ради встречи с ним. И не шла она, потому что знала, что это правда, ведь сладкого она не любила.

Тётин ключ от квартиры лежал в сумке. Нужно было разобрать вещи, но она откладывала. Уже дважды доходила до подъезда, дважды разворачивалась, совсем так же, как и перед ритуальным салоном. Не потому, что боялась увидеть пустые комнаты, а скорее оттого, что всё в квартире казалось Вере слишком живым и враждебным, как в детской страшилке.

— Вер, ты опять в облаках, — сказала Нина, её единственная подруга и коллега из читального зала. Нина была рыжей, круглолицей и непоколебимо практичной. — Опять про Северцева?

— Я не думаю про Северцева. С чего ты взяла?

— Конечно. Просто ты три раза за утро вытащила его визитку, а потом убрала обратно в кошелёк.

— Я проверяла, на месте ли она.

— Зачем?

Вера не нашлась с ответом.

— Влюбилась, — констатировала Нина с таким видом, как будто сообщала неизлечимый диагноз. — В гробовщика. Господи, Верка, только ты могла.

— Он не гробовщик. Он управляющий. И он… он просто был добр ко мне.

— Добр… и очень красив. — Нина закатила глаза. — Кстати, а он женат?

Вера подняла голову, и сердце неприятно кольнуло.

— Не знаю. Не спрашивала.

— Вот и узнай. Визитка в кошельке. Но ты и сама прекрасно об этом знаешь, — хихикнула Нина.

Она не стала узнавать. Она вообще решила, что эта история закончилась на кладбищенской ограде. Человек выполнил работу, проявил человеческое участие, а она, одинокая и впечатлительная, приняла вежливость за нечто большее. И за эти мысли её терзало чувство вины перед тётей Клавой.

Но в четверг, в девятом часу вечера, когда читальный зал давно опустел, а Вера складывала на каталожной стойке последние формуляры, дверь абонемента тихо открылась.

Она подняла глаза и застыла.

Максим Северцев стоял на пороге в тёмном длинном пальто, чуть влажном от мартовской мороси, с несколькими пакетами в руках. На плечах поблёскивали капли, на волосах тоже. Он смотрел не на неё, а на высокие стеллажи, на зелёные лампы, на старые лестницы на колёсиках, и на лице у него было выражение чистого, детского восхищения.

— Мы закрыты, — сказала Вера и сразу поняла, как грубо это прозвучало.

— Знаю. — Он повернулся к ней. — Охранник пустил меня. Сказал, что вы всё равно сидите до одиннадцати. Я принёс вам книги.

— Какие книги?

Он подошёл к стойке и выложил на неё пакеты. Из первого достал стопку: десять или двенадцать томов в одинаковых переплётах. Золотое тиснение на корешках, плотная бумага, тяжёлые, как кирпичи.

— Это библиотека моей матери. Она преподавала литературу, умерла семь лет назад. Я хранил её в подвале, потому что дома нет места, а выбросить рука не поднимается. Подумал: в библиотеке книги должны жить, а не гнить в картонных коробках. Если вам подойдёт, возьмите в фонд.

Вера медленно провела пальцами по корешку. Это были издания шестидесятых, полные собрания Бунина, Цветаевой, Мандельштама, в хорошем состоянии. Она открыла один из экземпляров и на форзаце увидела надпись мелким, аккуратным почерком: «Алёше и Максиму, чтобы вы знали, что любовь можно прочесть».

Горло у неё сжалось.

— Это нельзя отдавать, — тихо сказала она. — Это личное.

— Я знаю, но это моё личное. Я хочу отдать их вам.

Она подняла на него глаза.

— Почему мне?

— Потому что меня окружает смерть, а я хочу, чтобы вы подарили этим книгам новую жизнь. И ещё… — Он слегка улыбнулся, и эта улыбка сделала его лицо моложе и опаснее. — Потому что я хотел найти повод увидеть вас, и никакого другого не придумал.

Вера почувствовала, как краска заливает шею и щёки. В пустом зале её дыхание показалось ей слишком громким.

— Вы очень прямой человек, — выговорила она.

— Это недостаток?

— Это… непривычно.

— Тогда привыкайте.

Он сказал это спокойно, без нажима, но от этих двух слов у неё внутри что-то сдвинулось, как ключ в замке. Она отвернулась и стала зачем-то раскладывать книги на стойке, трогая каждую, поправляя уголки.

— Покажите мне библиотеку, — сказал он. — Хотя бы немного.

— Уже поздно…

— Охранник сказал: если вы разрешите, он подождёт.

Она могла отказать. Должна была. Но он стоял, чуть наклонившись над стойкой, с мокрыми от дождя волосами, и смотрел на неё как человек, которому действительно важен ответ. И Вера обнаружила, что говорит:

— Хорошо. Только осторожнее: тут некоторые лестницы шатаются.

Она повела его вглубь. Мимо отдела классики, мимо справочной, мимо детского уголка с низкими столиками. Она показывала ему любимые места: окно с широким подоконником, где сидела в студенческие годы, читальный стол у батареи, под которым когда-то нашла забытое письмо, закладку в форме птицы, все эти маленькие чудеса, которых не замечают обычные посетители. Он слушал, задавал вопросы, касался корешков, и Вера с удивлением поняла, что рядом с ним ей спокойно, как будто по пустым залам она идёт не с чужим мужчиной, а с давним знакомым.

Хранилище находилось в подвале. Она не собиралась его показывать, но он спросил о старых фондах, и она, увлёкшись, открыла железную дверь.

— Здесь у нас редкие издания. Журналы девятнадцатого века, дореволюционные подшивки, вот это — коллекция местного краеведа. Здесь тихо и сухо. Я иногда прихожу сюда просто посидеть.

Он вошёл за ней, и дверь сама прикрылась на сквозняке. Стало темнее. Лампочка под потолком, одна на весь коридор, бросала жёлтый конус света на узкий проход между стеллажами. Пахло бумагой и пылью.

Вера обернулась и вдруг поняла, как мало места между ними.

Максим стоял в шаге от неё. Тёмный силуэт, широкие плечи, лицо в полутени. Она видела только блеск глаз и тёмную линию рта. От него пахло дождём и тем самым горьковатым одеколоном. Этот запах, смешавшись с запахом старых книг, ударил ей в голову сильнее вина.

— Здесь очень тесно, — прошептала она.

— Да, — ответил он так же тихо.

Никто не двигался. Где-то далеко, за стенами, прогрохотал трамвай. Вера слышала собственное сердце, оно билось где-то в горле, и ей казалось, что он тоже его слышит.

— Вера, — сказал он. Голос стал ниже и чуть хриплее. — Я должен быть с вами честным.

— Пожалуйста, не надо, — быстро сказала она. — Если вы сейчас скажете то, что я думаю, я не смогу…

— Что вы думаете?

— Что вы женаты.

Пауза растянулась. Тяжёлая, как гиря.

— Я женат, — произнёс он.

Она отступила на шаг и упёрлась спиной в холодный металл стеллажа. Вместо боли она почувствовала странное, почти облегчение: вот и всё, вот так и должно было закончиться.

— Тогда вам лучше уйти, — сказала она ровно.

— Я уйду, если вы скажете. — Он не двинулся. — Но сначала дайте мне одну минуту. Не на оправдания. На правду.

— Нет.

— Одна минута.

— Максим Павлович…

— Максим, — мягко перебил он. — Я прошу тебя, Вера. Минуту.

Она закрыла глаза. Это было ошибкой, потому что без зрения остальные чувства обострились до боли: его тепло рядом, дыхание, слабый скрип кожи, когда он переместил вес с ноги на ногу.

— Говорите, — сказала она.

— Мой брак фиктивный.

Она открыла глаза.

— Он существует только на бумаге. Мы с Дианой друзья и больше ничего, никогда. У неё другие взгляды на жизнь, и она давно живёт в другой стране. Нас связывает долг и договор, который заканчивается через двенадцать месяцев. Я не вру тебе.

Вера смотрела на него молча. Верила и не верила, как в тех романах, которые сама же и ставила на полки с подписью «Жанровая литература».

— Звучит как плохой сюжет, — выдохнула она.

— Я знаю. — Он едва заметно усмехнулся. — Если бы я придумывал, то придумал бы правдоподобнее.

— А если это правда? Всё равно. Вы женаты. На бумаге есть печать.

— Есть.

— Я не из тех, кто…

— Я знаю. Я понял… — сказал он тихо. — Поэтому говорю сейчас, а не потом. Я мог бы промолчать. Мог бы прийти ещё несколько раз, как друг, как приятель, и ты бы ничего не узнала до тех пор, пока не оказалась бы у меня в постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.